

АВТОГРАФЫ ИНОКА ЕПИФАНИЯ СОЛОВЕЦКОГО В ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Они оба чувствовали, что нарушают канон, и нуждались в поддержке друг друга. Но сказывалось время, в котором они жили и умирали, когда наступил период церковной смуты. Они вдруг осознали свою «особинность», личную значимость в конкретном времени сотворенного Богом мира, конца коему «несть во веки веком». Бывший соловецкий инок Епифаний, похоже, убедил протопопа Аввакума, что только письменное его слово теперь может быть услышано, что время устных учительных проповедей осталось в прошлом. Он не отрекался от этой своей миссии: в обоих Пустозерских сборниках он собственной рукой свидетельствовал, что протопоп (в сборнике Заволоко уже и «священнопротопоп») Аввакум «понужен бысть Житие свое написати, понеже отец ему духовной инок». Но главный пафос приписки — «да не забвению предано будет дело Божие».

У инока Епифания уже был к тому времени свой писательский опыт в автобиографическом жанре, его «записка».¹ Было и другое, главное, сочинение, за которое он попал на собор 1666—1667 гг., а потом в пустозерскую ссылку. Не исключено, что оно даже сохранилось в ряду безымянных полемических сочинений этого времени, но зато пустозерские писания соловецкого инока дошли до нас в нескольких автографах. И это не просто случайное везение — это знак того, насколько значим был авторитет Епифания среди сторонников «старой веры», которые бережно сохраняли им написанное. Да ведь и писания протопопа Аввакума тому подтверждением, когда он просит Епифания вставить в его собственные тексты хотя бы благословение, приписать пару строк. И даже отдельное сказание сохранилось об именно

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1885. Т. 7. С. 53—63.

его, Епифания, зримом вознесении на небо в момент огненной казни четверицы пустозерских узников в 1682 г.²

Епифаний уходит из Соловецкого монастыря в период начавшихся церковных нестроений, когда суета вторгается в монастырскую жизнь. Он еще раз «бежит от мира», становится скитником, пустынником, но мир настигает его и в этом отшельничестве. И не прерывается духовная связь с Соловецким монастырем: если ушел из него Епифаний по благословлению старца Мартирия, то потом, в видении, он получает благословение на писательский труд постригшего его в 1652 г. в иноки архимандрита Илии. Это благословение определяет его дальнейшую судьбу и как бы подтверждает «соловецкое» происхождение будущего «списателя». Но ведь так оно и было! Где же еще мог овладеть Епифаний «писцовым навыком» и прочими видами «рукоделия», как не в Соловецком монастыре, куда он пришел в 1645 г.? И позднейшее благословение, в видении, архимандрита Илии дополнительное тому подтверждение: он знает и «рукодельника» Епифания, но указывает перстом на киноварницу: «Се есть, рече, дело твое!». В этом общем контексте биографии инока Епифания вполне правдоподобно обретение переписанных им листов среди рукописных сборников соловецкого происхождения 1650-х гг., могли сохраниться где-то и деревянные резные кресты его рук делания, если они исчислялись сотнями, а в Соловецкий монастырь отсылались им даже из Пустозерска. И тот и другой аспекты вероятных архивных и музейных находок возможны, однако, только с учетом уже выявленного автографического наследия инока Епифания.

Автографы Жития Епифания сохранились в трех рукописях. Две из них — это сборники, получившие в науке официальные наименования «Пустозерский сборник Дружинина» и «Пустозерский сборник Заволоко». Первый стал известен в 1912 г. и сохраняется в БАН, в собрании Дружинина под № 746 (790). В составе этого сборника оказалась в автографе первая часть Жития Епифания, текст которой по этой рукописи издал А. Н. Робинсон только в 1963 г.³ Здесь должно отдельно вспомнить имя А. Н. Робинсона, текстологически и источниковедчески доказавшего необходимость изучения жизнеописаний Аввакума и Епифания как единого целого, своего рода наджанрового явления в истории нашей словесности. Текстологическое изучение сохранившихся более поздних списков этого житийного двуединства

² Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 392—393.

³ Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963.

позволило ему предположить существование еще одного Пустозерского сборника, возможно не сохранившегося.⁴ Другое предположение со знаком вопроса, тоже основанное на рукописных источниках, высказал В. И. Малышев в статье «Рисунки протопopa Аввакума?» в 1965 г.⁵ Обе научные гипотезы получили реальное подтверждение уже в 1967 г., когда в Риге И. Н. Заволоко решил внимательнее просмотреть подаренный ему в Москве за год до этого рукописный сборник из книг Анны Васильевны Мараевой.

Впоследствии в статье «История находки рукописи» Иван Никифорович писал: «Я разослал письма и фотоснимки В. И. Малышеву и А. Н. Робинсону, они поздравили меня с выдающейся находкой, с открытием драгоценнейшей рукописи — вторым автографом житий Аввакума и Епифания из собрания А. В. Мараевой». Последний абзац этой статьи сообщал: «Рукопись Пустозерского сборника из собрания А. В. Мараевой была передана мной 20 марта 1968 г. в Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома, в котором она находится и в настоящее время» (рис. 1).⁶

Мне посчастливилось самому тогда присутствовать на акте этого официального дарения, т. е. на весьма многолюдном заседании Сектора древнерусской литературы, где председательствовал Д. С. Лихачев и где вновь обретенному Пустозерскому сборнику единодушно было присвоено научное наименование «Пустозерский сборник Заволоко». Но это был акт «официального дарения», а я уже тогда знал, что на самом деле сборник автографов Аввакума и Епифания с конца 1967 г. обретался в Древлехранилище Пушкинского Дома, где В. И. Малышев все время на всякий случай менял его место хранения на шкафных полках.

Научную значимость этого события лучше всего подтверждает факт относительно быстрого по тем временам да еще «фототипического» (по тем-то временам!) издания в 1975 г. этого Пустозерского сборника. Издание шло трудно, но состоялось и даже со своего рода издательским изыском, когда воспроизводился и вклеивался в тираж л. 80 меньшего формата (относительно остальных листов рукописи), представлявший собой редакторскую правку иноком Епифанием текста Аввакума, о существовании которой до обретения самого сборника никто не подозревал. В рукописи текст Епифания был наклеен поверх текста Аввакума и только при помощи реставраторов удалось расслоить эти тексты (рис. 2).

⁴ Там же. С. 125—127.

⁵ Русская литература. 1965. № 2. С. 154—155.

⁶ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. С. X—XIV.

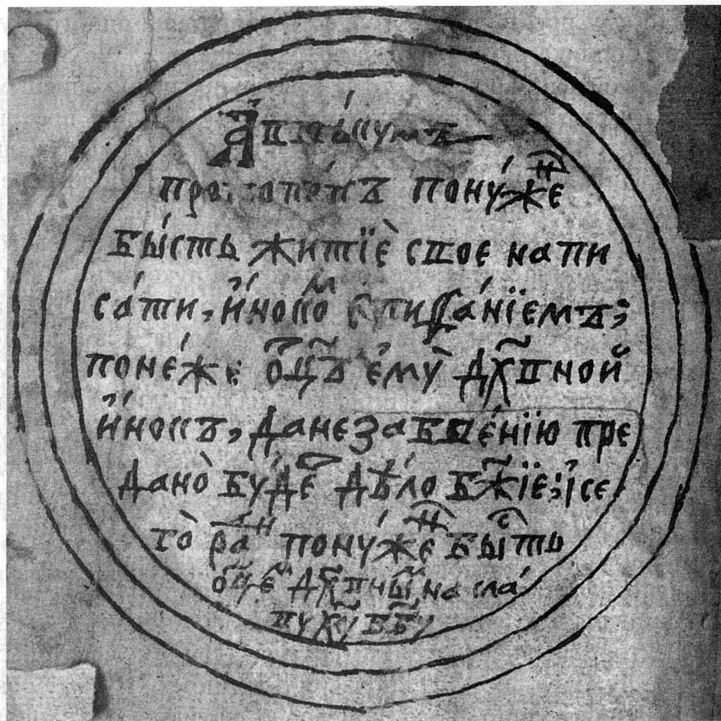

Рис. 1. Вариант «зачина» Пустозерского сборника Заволоко, подклеенный потом текстом к нижней доске переплета (ИРЛИ, оп. 24, № 43, л. 192 об.).

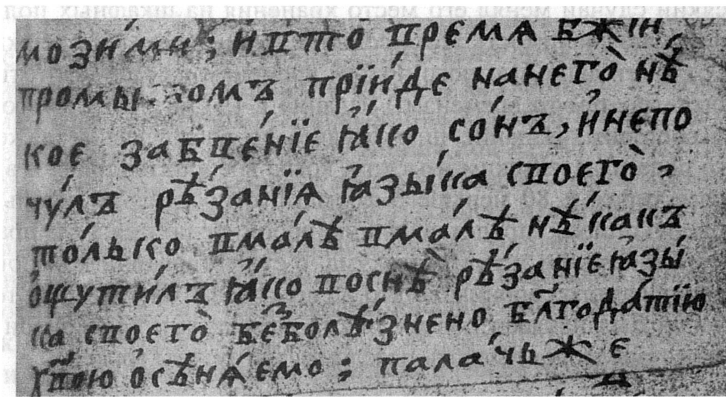

Рис. 2. Текст Елифания, наклеенный поверх текста Аввакума, на правах «отца духовного» (ИРЛИ, оп. 24, № 43, л. 80).

Речь в них шла об отрезании языка Епифанию при пустозерской «казни» 1670 г. А. Н. Робинсон в свое время отметил, что Аввакум описывает эту казнь под влиянием Жития Епифания, почти дословно воспроизводя его текст.⁷ Теперь, после обретения Пустозерского сборника Заволоко, выяснилось, что излагал эпизод сам Епифаний, не принявший экспрессивного и натуралистичного повествования Аввакума. Он не согласен и с утверждением Аввакума, что в Москве казнь была легче, «а ныне жестоко гораздо», но эту редактуру Епифаний вводит в скобках уже в текст собственного Жития: «А на Москве, как первой язык мой палач отрезал, тогда яко лютая змия укусила и всю утробу мою защемило...». В Пустозерске же «толко вмаде-вмаде ощутив, яко во сне, что палач ми отрезал язык». Из этого, однако, следует, что Епифаний написал 2-ю часть своего Жития, зная уже эту редакцию текста Жития Аввакума и полемизируя с ней в данном, важном для него эпизоде, отсутствующим, кстати, в других редакциях вообще, как отсутствует при них в сборниках и 2-я часть Жития Епифания. Не исключено, что и сам вклеенный текст оказался «деянием» отца духовного Епифания при подготовке к переплету тетрадей Пустозерского сборника, благословленных им прежде, но вдруг не должным образом в данном сюжете изложенных.

И еще одна неожиданность Пустозерского сборника Заволоко: в составе сборника оказались в автографе обе части Жития Епифания, его новый вариант зачина сборника с изображением голгофского креста, полемический рисунок Аввакума, к которому Епифаний также «руку приложил». В издании Пустозерского сборника все это подробно описано и изучено, поэтому позволю себе лишь некоторые комментарии к образцовому труду Н. С. Демковой, Н. Ф. Дробленковой и Л. И. Сазоновой. Н. Ф. Дробленкова вообще занималась Житием Епифания монографически, убедительно показав историю его текста.⁸

В качестве комментария к упомянутому изданию добавлю, что, очевидно, можно утверждать, что все декоративное оформление сборника выполнено Епифанием, поскольку только он пользовался киноварью или охрой, а во всех декорированных буквицах эти краски представлены. В том числе двухцветна и заставка на л. 1 сборника, которая как-то традиционно считается рисованной Аввакумом. Но если сопоставить ее неказистый декор с буквицами Епифания на л. 164, то мы увидим те же графи-

⁷ Робинсон А. Н. Жизнеописания... С. 57—58.

⁸ Дробленкова Н. Ф. Ранняя редакция Жития Епифания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 223—242.

ческие элементы, что и в заставке на л. 1. Не исключено также, что лист с изображением креста и новым зачином Жития Аввакума на л. 164—164 об. оказался в рукописи неправильно вклеенным, т. е. изображение креста предшествовало похвале кресту и благословиению Епифанием «священнопротопопа Аввакума» на его писательский труд (рис. 3).

В то же время не получается использовать совместный полемический рисунок Аввакума и Епифания в качестве дополнительного аргумента для датировки сборника в целом: если признается аргументом изображение митрополита Павла Крутицкого как здравствующего (умер 9 сентября 1675 г.), то необходимо учитывать и изображение архиепископа Илариона, ставшего в 1669 г. митрополитом Рязанским. Рисунок, очевидно, ориентирован в подписных персоналиях на события Собора 1666—1667 гг., как бы в исторической ретроспективе (рис. 4).

Завершая разговор о Пустозерском сборнике Заволоко в целом, рискну высказать предположение о том, как сборник оказался в г. Серпухове в собрании А. В. Мараевой. «Каталог собрания славяно-русских рукописей Павла Дм. Богданова» И. А. Бычков предварил кратким биографическим очерком этого родоначальника полевой археографии из новгородских крестьян-старообрядцев. Там, в частности, читаем: «Между тем, за это время Богданов задолжал много денег, что вынудило его продать некоторые рукописи и немало печатных книг Большакову и известным богачам Мараевым. Последние дали ему денег для расплаты с долгами, и в благодарность за то на Страстной неделе 1884 года, Богданов перевез все свое собрание к ним в дом в Серпухов, желая при этом доставить детям Мараевых возможность знакомиться со старинными рукописями. {...} Осенью 1884 года Богданов расплатился с Мараевыми, для чего задолжал другим. Тогда же он перевез свое собрание из Серпухова в Москву, причем рукописей до двадцати и некоторые вещи утратились».⁹ И ниже, где речь идет о последней поездке Богданова на Север в 1888 г.: «Тогда же для расплаты с долгами некоторые из своих рукописей он вынужден был продать Мараевым и Большакову».¹⁰ Не исключено, кстати, что карандашная приписка на л. 191 Пустозерского сборника Заволоко относительно «автографичности» всего сборника сделана не А. В. Мараевой, а П. Д. Богдановым.

Когда подготовка к изданию «Пустозерского сборника Заволоко» шла уже полным ходом, в Дрвлекранилище Пушкинского Дома осенью 1971 г. поступил еще один автограф инока Епифа-

⁹ Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова // СПб., 1891. Вып. 1. С. 5—6.

¹⁰ Там же.

ния. На этот раз в составе большой крестьянской библиотеки В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой из с. Борок Виноградовского р-на Архангельской области. Событием был даже сам факт обретения подобного собрания, насчитывавшего более 400 рукописей и печатных книг. Ездить за ним пришлось дважды. Причем вторая поездка предполагала упаковку и транспортировку уже только книг печатных, но оказалось, что по углам дома сохранились еще и рукописи. Автограф же Епифания вообще был обнаружен случайно, когда наследница А. Ф. Богдановой Пелагея Федоровна Малкова из г. Черкассы обследовала «щупом» крошеную солому двух боковушек около «моленной» на предмет возможного обретения какой-нибудь церковной утвари. Щуп наткнулся на что-то, оказавшееся небольшой, в 16-ю долю листа, книжечкой в плотном картонном переплете. «Нате вот, может вам пригодится...», — сопроводила хозяйка акт передачи рукописи. Это и был автограф 2-й части Жития Епифания. Рукопись «пригодилась» настолько, что сразу вошла в научный оборот и стала важным аргументом в исследовательских концепциях истории сложения Пустозерских сборников, текстологии Жития Епифания в целом. находка подтвердила факт отдельного, вне сборников, бытования этой части Жития и даже наоборот заставила задуматься, предназначалась ли вообще 2-я часть Жития в Пустозерском сборнике Заволоко для этого сборника (рукопись несколько отличается форматом, имеет другого адресата, разнится графически). Не на все вопросы пока удалось найти ответы. Но несомненно, что этот автограф предшествовал тексту в Пустозерском сборнике Заволоко, у него другие адресаты, «пробы пера» в конце рукописи и дополнительные выписки, не вошедшие в Пустозерский сборник, все это позволяет предположить, что рукопись не была отослана и оставалась у Епифания в непереpletенном виде, в результате чего часть листов ее впоследствии была утрачена. Именно в этом автографе обратило на себя внимание написание «т келии», «т корению», отмеченное диалектологами в тихвинских говорах. Возможно, это что-то уточнит и в ранней биографии соловецкого инокa Епифания.

Таким образом, два из трех или три из четырех (вопрос остается дискуссионным) известных автографов Епифания нашли свой приют в Пушкинском Доме, в Древлехранилище, основанном В. И. Малышевым и носящем теперь его имя. Наверно, в этом есть своя историческая справедливость...

При публикации текста самого памятника из коллекции В. М. Амосова—А. Ф. Богдановой, № 169 приходится неизбежно возвращаться к моей статье, опубликованной в 1975 г., где приводились основные палеографические и текстологические наблю-

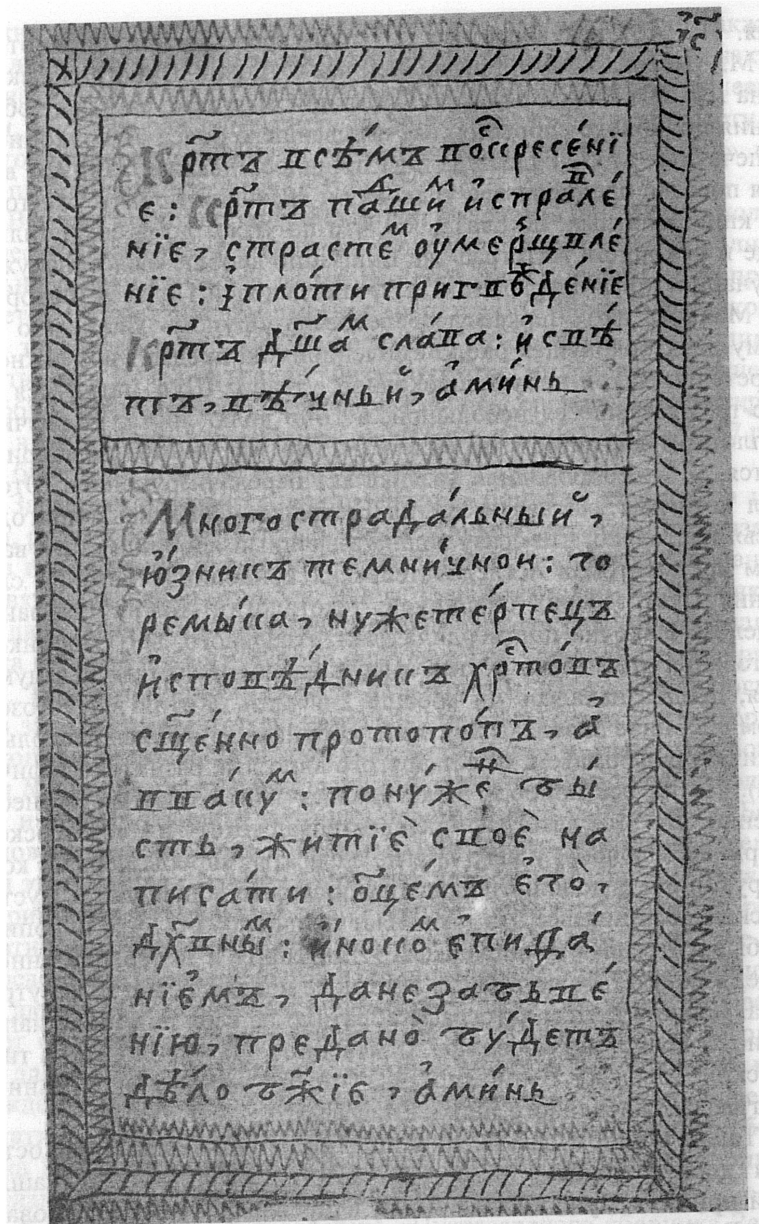

Рис. 3. Новый вариант зачина Пустозерского сборника
(ИРЛИ, оп. 24, № 43, л. 164).

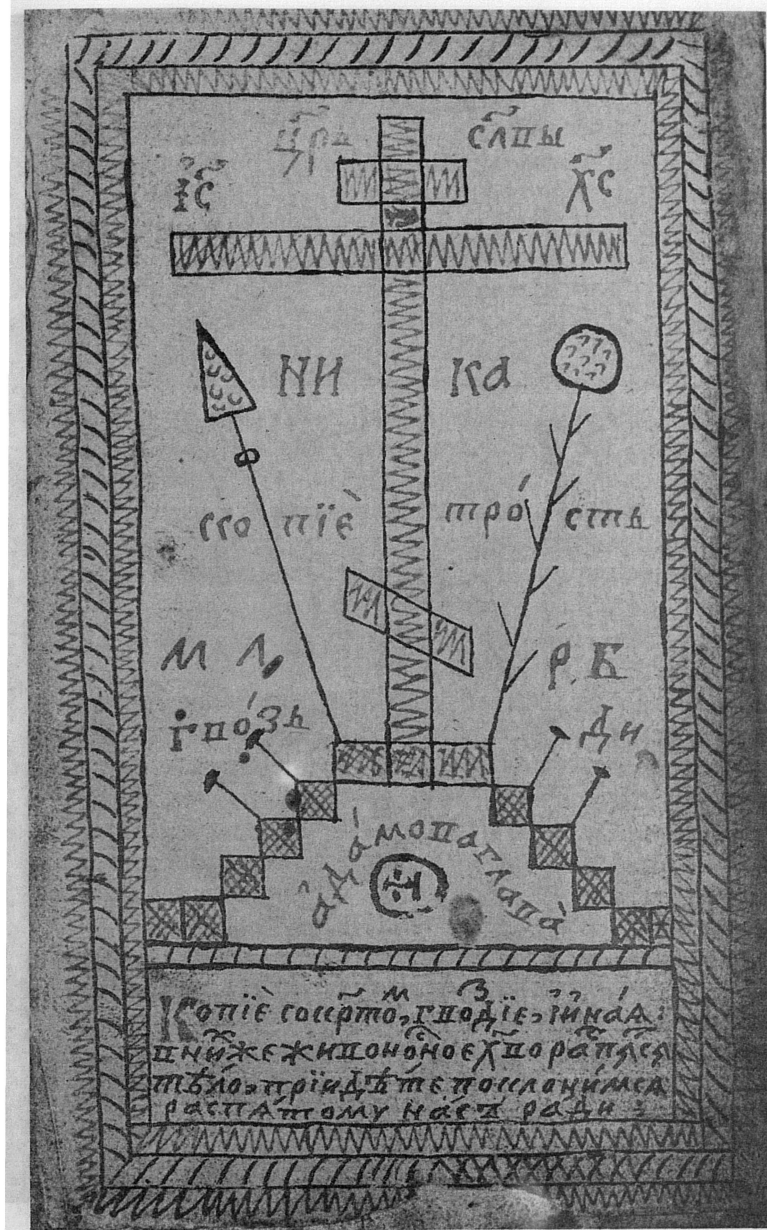

Рис. 3. Голгофский крест
(ИРЛИ, оп. 24, № 43, л. 164 об.).

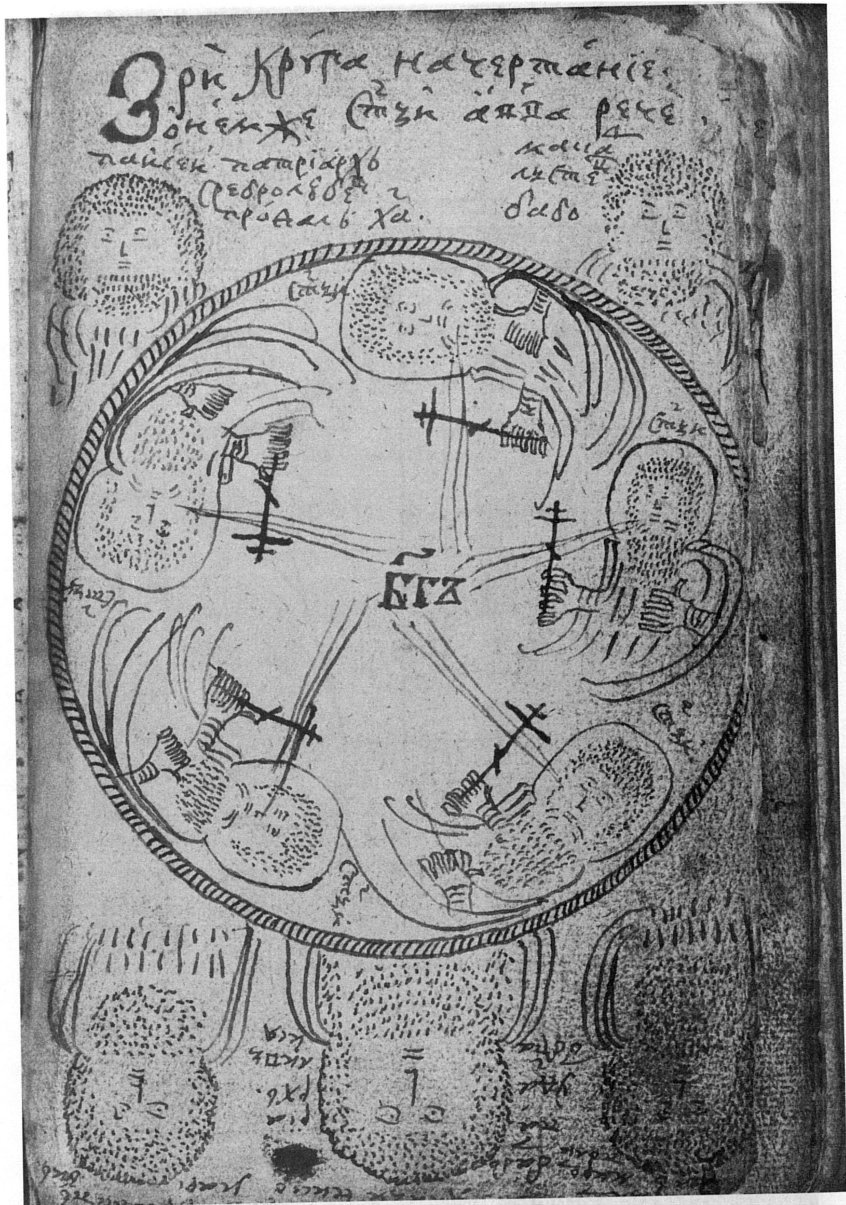

Рис. 4. Полемический рисунок Аввакума и Епифания в Пустозерском сборнике Заволоко (ИРЛИ, оп. 24, № 43, л. 2).

дения относительно самой рукописи и воспроизведенного в ней текста.¹¹ Они вполне информативны и не утратили своей научной значимости. Рискну поэтому воспроизвести здесь уже опубликованное с некоторыми уточнениями и комментариями.

По изначальной характеристике это отдельная рукопись, в 16-ю долю листа (10.3 × 8.3), в позднем переплете из толстого синего картона с черным матерчатым корешком. На корешок наклеена полоска белой бумаги с названием рукописи «Житие Епифания» (элемент оформления большинства книг из кол. Амосова—Богдановой, выполненный известным на Сев. Двине книжником Максимом Матвеевичем Останиным; в настоящее время эта наклейка уже утрачена). На верхней корке переплета проставлен № 336, этот же номер повторен на верхнем форзаце поверх прежнего № 19, где теми же (черными, но более бледными) чернилами, что и № 19, расписался сам В. М. Амосов. Позднейший № 336 повторен и на первом листе рукописи новой уже бумаги.¹²

Рукопись состоит из пяти тетрадей, пронумерованных Епифанием, и содержит в общей сложности 46 листов. Первые две тетради по 8 листов каждая, остальные — по 10 листов. Только вторая и пятая тетради сохранили листы полностью; в первой тетради недостает начального и шестого листа, в третьей отсутствуют верхний и нижний листы тетради, в четвертой утрачен последний лист. Отсутствие верхних и нижних листов тетрадей свидетельствует о том, что, вероятно, тетради были переплетены не раньше, чем они попали в библиотеку В. М. Амосова. В пользу этого предположения говорит и совпадение сорта бумаги, которой реставрированы недостающие листы рукописи с форзацными листами переплета. На вшитых листках предполагалось, видимо, восстановить недостающий текст: так, на одном из них уже проставлен карандашом порядковый номер тетради. Если реконструировать эти фрагменты текста по Житию Епифания из Пустозерского сборника Заволоко, то выясняется, что количество текста полностью соответствует подготовленным для его воспроизведения листам (рис. 5).

Точно датировать бумагу автографа по филиграням не представляется возможным, поскольку ни в одном из альбомов не нашлось изображения «головы шута», совпадающего с нашим. Наиболее близкие варианты датируются 1672—1676 гг.¹³ Бумага

¹¹ Бударгин В. П. Новый автограф Жития Епифания // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 79—82.

¹² См. также: Бударгин В. П. К истории северодвинской крестьянской библиотеки В. М. Амосова // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 471—479.

¹³ Гераклитов А. А. Филигранны XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. № 1196; Лихачев Н. П. Бумага и

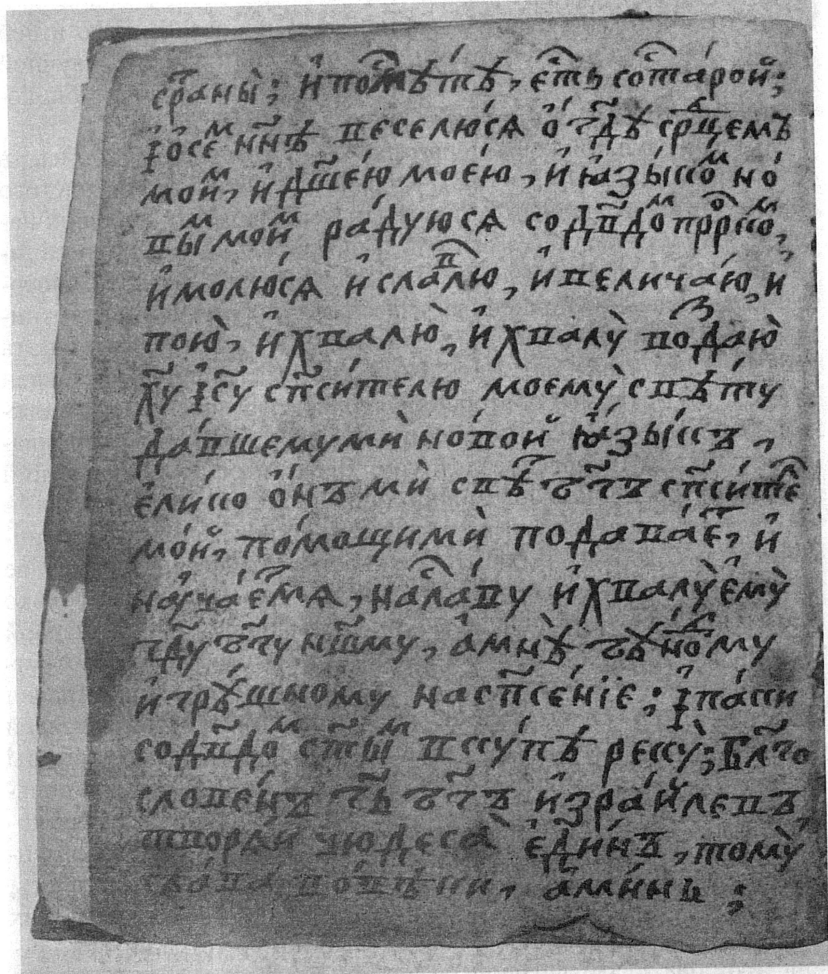

Рис. 5. Вторая часть Жития инока Епифания
(ИРЛИ, кол. Амосова—Богдановой, № 169, л. 28 об.).

с подобной филигранью есть и в обоих Пустозерских сборниках. Отметим, однако, что вторая часть Жития Епифания в Пустозерском сборнике Заволоко по филиграням весьма отличается от рассматриваемого нами автографа.

Почерк Епифания в этом автографе совпадает с почерком второй части его Жития в составе Пустозерского сборника Заво-

древнейшие мельницы в Московском государстве. СПб., 1891. № 469; Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. Amsterdam, 1935. № 348.

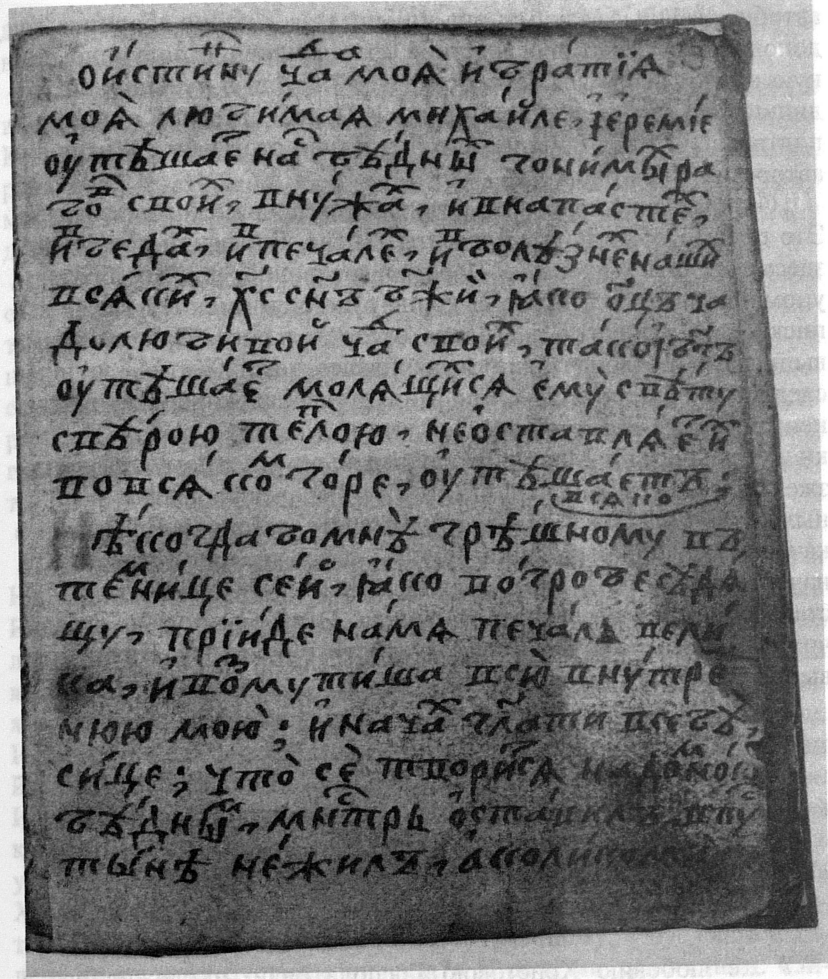

Рис. 5. Вторая часть Жития инока Епифания
(ИРЛИ, кол. Амосова—Богдановой, № 169, л. 29).

локо, отличаясь от него разве что большей небрежностью в начертании букв. В то же время графика второй части Жития в составе сборника отличается от графического оформления первой его части. Во второй части своего Жития Епифаний последовательно использует скорописные начертания «б» и «г», буквы «а» и «у» образуют здесь лигатуру, оба автографа имеют свою тетрадную пагинацию, отсутствующую в первой части Жития.

А. Н. Робинсон отмечал, что «вторая часть автобиографии Епифания начинается как бы откалываться от первой ее части и от

автобиографии Аввакума: она помещается в конце сборника как дополнение» и что впоследствии «это сочинение получило полную возможность для самостоятельной жизни в рукописной традиции (вне авторских сборников)». ¹⁴ Новый автограф полностью подтвердил вывод Робинсона о бытовании этой части Жития вне авторских сборников.

Отметим еще некоторые отличия северодвинского автографа. Это прежде всего новые адресаты Жития. Епифаний обращается здесь к неким Михаилу и Иеремию, очевидно, родным братьям, упоминая и их родителей. В конце рукописи имеются также выписки из Старчества и Зеркала озорительного. Причем этими выписками первоначально заканчивался текст Жития, за ними следует характерная для Епифания точечная концовка, выполненная той же охристой краской, что и буквы в тексте. Выписки же из Пчелы и Маргарита добавлены к основному тексту позже, более светлыми чернилами, без выделения цветом начальных букв. Еще ниже на последнем листе рукописи Епифаний в качестве «пробы пера» пишет буквы «б» и «г» полууставом, т. е. начертаниями, характерными для первой части его Жития в составе обоих Пустозерских сборников. Этим мы пока и ограничимся в палеографической характеристике рукописи. Ниже впервые публикуется текст самого автографа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЖИТИЕ ИНОКА ЕПИФАНИЯ СОЛОВЕЦКОГО

(по списку ИРЛИ, кол. Амосова—Богдановой, № 169)

л. 2 // ...с любовию Христовою Господа ради, и сложив его с прежнюю частию жития моего вмѣсто, и зрите на него, яко на мене, бѣднаго старца, и прочитайте его с любовию Господнею. И аще что обряцете на пользу душам вашим, и вы, чада, о сем прославите Христа-Бога, а мене, грѣшнаго, не забывайте во святых своихъ молитвах, да милостивъ ми будетъ Господь Богъ!

А аз, грѣшный, за милость и любовь Христову отца вашего, родившаго вас, прошу вам милости у Христа-Бога, елико Господь ми помощи подавает. Да молю вас о Христѣ Иисусѣ, чада моя любимая, отца вашего, родившаго вас, и мать вашу, носившую л. 2
об. вас во утробѣ своей и родившую васъ, во всемъ ихъ // слушайте и почитайте их с любовию Христовою — тако же и вы почтени бу-

¹⁴ Робинсон А. Н. Жизнеописания... С. 130.

дете от своих чад, паче же почтени будете от Бога в сем вѣцѣ и в будущем во вѣки. Аминь.

По сем паки миръ вам, чада моя любимая, и отцу, и матери, и всему дому вашему, и благословение, и милость, и благодать от Бога, Отца нашего Иисуса Христа, и от мене, грѣшнаго старца, раба его. А аз нынѣ уже, чада моя, сѣжу в темницѣ исполу мертвъ, жив погребенъ землею, яко во гробѣ, и ожидаю исходу души моей съ часу на часъ.

Ну^а, чада, слушайте же жития моего грѣшнаго, да молю васъ о Христѣ Исусѣ: не позазрите // простотѣ моей, понеже аз граматики и философии от юности моя не учился и не искал сего, и нынѣ не ищу того, но сего ищу, како бы ми Христа Иисуса милостива сотворити себѣ и людемъ. И что обрящете просто и неисправлено, и вы собою исправтѣ со Христом Исусом, а мене, грѣшнаго, простите и благословите, и помолитесь о мнѣ Христу-Богу, и Богородице, и святым его.

Чюдо^б о крестѣ Христа, Спаса нашего.

Мнит^в ми ся, чада моя и братия моя любимая Михаиле и Иеремие, во 172-м году сѣдящю бо ми в кѣлии в пустыни моей Виданьской // приехалъ ко мнѣ в пустыню зимой христианин на лошади, а на дровнях у него брусъ изготовлено на большой крестъ. И прииде к моей кѣлеицѣ с великим опасением и со страхом Божиим, мя мя живуща в пустыни, яко чюдна и свята мужа. И приступя ко оконцу моему, сотвори молитву сице: «Господи Исусе Христе, сыне Божий, помилуй нас». Аз же рекъ: «Аминь». И рече ми христианин: «Отче святыи и господине! Прислан аз к тебѣ Богом и привез тебѣ хлѣбъ да четверикъ ржи. И денегъ у мене возми, елико хочещи, а здѣлай мнѣ // Бога ради крестъ Христовъ». Аз <же>^г, грѣшный, рек ему сице: «Рабе Божий! Которым ты образом присланъ ко мнѣ, грѣшному, в пустыню и далече ли от моя пустыни живещи?» И рече ми христианин: «Зимою, господине, 40 верстъ, а лѣтом — и болши. За болотами живу и за порогами страшными, великими, не проходимыми от тебе. Имѣю у себе жену и чада, и деревню пашенную, и по лесамъ хожу, звѣри ловлю всякия и птицы. И нѣкогда бо, отче святыи, ходящу ми по лесам по обычаю моему и ищущу ми звѣрей и птицъ на ловь мой, и уже много времени не токмо уловити, но и не видаль ни оленя, // ни лисицы, ни куницы, ни зайца, ни тетерева и, просто рещи, никакова животна. И нападе на мя печаль велика и уныние горкое, понеж^е, как и почал полѣсовати, не бывала такая на мене бѣда. И прииде ми на ум тогда, отче свя-

^а Буква Н, вписанная охрой, почти не прочитывается. ^б Буква Ч вписана охрой. ^в Буква М вписана охрой. ^г Угол листа утрачен.

тый, сие: есть у нас, близ нашея деревни, остров зѣло красен и велик, и на том острове скоты наши ходят. И многия люди говорятъ: „Достойно-де на сем островѣ бытии пустынь или монастырю и церквѣ, а хотя бы де нынѣ какой боголюбец крестъ Христовъ поставил, и то бы де зѣло добро”. И се слово паде на сердце

л. 5 мое // и запали огнемъ божественны^м душу мою, и сердце мое, и всю утробу мою, и вся уды моя да поставлю крестъ Христовъ на том островѣ на славу Христу, Богу нашему, и на поклонение православнымъ христіяном. И возведох очи мои на небо, и перекрестилъ лице мое Христовымъ знаменіем, и рекох сице: „Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго, дай ми ловъ днесь, какой ни буди, и азъ ти, грѣшный, на сем островѣ, имя рек, поставлю крестъ на славу тебѣ — свѣту, и на поклонение православнымъ христіяном”. И егда далъ обѣщание Богу, зря на небо, и какъ сведохъ очи мои съ небесъ на землю, и начах очима

л. 5 об. моима обзирати около себе // сюду и сюду, зря лова, какова любви, посланнаго отъ Бога. О, скорого услышания Христа-Бога, свѣта нашего! О, дивное милосердіе Христово! О, чудо несказанное, егоже ни отцы, ни дѣды наши ни слышали, ни видали! Вижу скоро издалеча борана великаго и скоро идохъ къ нему, славя Бога. Боранъ же милъ ми ся дея. Азъ, грѣшный, возьму борана за рога, дивяся неизреченной милости Божіи, и сведохъ борана в деревню мою съ радостію великою, дивяся скорому услышанию Христову и милости Спасовѣ. И повѣдахъ сие чудо Божіе великое женѣ моеи и чадомъ...^с //

л. 7 ...именемъ Епифаній, онъ тебѣ здѣлаетъ крестъ». И невидимъ бысть мужъ той святолѣпный. Азъ же воспрянухъ, яко отъ сна, и возьму бревно, и внесохъ въ избы мою, и, посуша, обрусилъ его и привезохъ, господине, днесь къ тебѣ въ пустыню. Сотвори милость со мною Христа ради и любовьъ духовную! Возьми у мене хлѣбъ, да четверикъ ржи, да и денегъ, елико хоцещи, а здѣлай мнѣ крестъ Христовъ, исполни мое обѣщание! Къ тебѣ я посланъ Богомъ». Азъ же рѣхъ ему: «Да есть ли отъ вашей деревни ближ^е моя пустыни грамотныя люди?» И рече ми христіянинъ: «Есть, господине, отъ насъ шесть верствъ погостъ — тамо живутъ попь // и

л. 7 об. дьякъ — да къ нимъ не посланъ я, но къ тебѣ въ пустыню ехалъ 40 верствъ».

Азъ же, грѣшный, прославихъ о семъ Христа-Бога и возьму у христіянина хлѣбъ да четверикъ ржи, а денегъ не взял. И препоясался поясомъ моимъ, и возьму топоръ въ руки и иную снасть, подобную кресту, и дѣлалъ креста два дни. И слова вырезалъ на крестѣ, и покрылъ его, и помощію Христовою вся построилъ о немъ. И, по

л Уголъ листа утрачен. с Позднейшая вклейка л. 6-6 об. безъ текста.

обычаю моему, помоляся со христианином Христу и кресту Христову, и расписавъ кровлю у креста и иная вся указаль ему. И, разобравъ крестъ, положихомъ его // честно на дровни, и с миром о л. 8 Христъ Исусъ отпустилъ христианина в путь его. Он же, радуясь зѣло о получении креста Христова, идяше к домови своему в путь свой. О всѣх сих слава Христу, и Богородице, и святым его!

Ож преподобнем Ефросинѣ, иже во Анѣдомскую пустыню забега от никониянския ереси и скончасъ(я) тамо о Христъ Исусъ.

Мнѣ онъ, грѣшному, другъ былъ любимой. Я у него в пустынѣ год жилъ во единой кѣлии и правило с нимъ вмѣсте говорили. Зѣло христоролюбивъ человекъ был, безмольвие гораздо вели любилъ.

Нѣкогда³ бо мнѣ, грѣшному, в пустыни моей Виданьской сѣдѣшу бо ми в безмольвии, // прииде ко мнѣ в пустыню странный старецъ именем Варлам и рече ми умиленным гласом л. 8 и слезным сице: «Отче Епифаний! Другъ нашъ, и брат, и отецъ об. Ефросинъ святой преставися и нынѣ дивныя чудеса творит благодатию Духа святаго. Азь у него болши году жил, укрывался от никониянския ереси. Чюдной муж житием былъ, Христа-Бога зѣло любил и безмольвие». Сице рече ми брат. Аз же, грѣшный, от того времени началъ тужити и скорбѣти в сердцы моем, глаголя: «Како избуду муки вѣчныя и получю Царство небесное? Господи, Господи, Владыко вседерь // жителю! Очисти мя от всякия скверны плоти и духа и буди ми правитель, и наставникъ, л. 9 и вождь ко спасению моему и спаси мя, грѣшнаго раба твоего, ими же вѣси судьбами!» Тако ж(е) и Богородицѣ, и святому аггелу-хранителю, и преподобнаго Ефросина в помощь призывая и всѣх святыхъ да помолятся о мнѣ ко Христу Исусу-свѣту, еж(е) бы ми избыти муки вѣчныя и уллучити царство со святыми его. И в сем помысле много дней препроводилъ, моляся всяко Богу, да избуду мукъ и обрящу рай со святыми в будущемъ вѣцѣ. То таки и // думаю, сидя, и ходя, и на одрѣ моем лежа, и правило говоря, молитвы, и каноны, и псалмы, и поклоны, и рукодѣлие л. 9 дѣлая. Молюся иногда умою, иногда языком, да избуду муки об. вѣчныя и уллучю царство вѣчное со святыми.

И нѣкогда бо ми, после канонов и после молитвъ и поклонов ноцных, мнит ми ся в полунощи, возлегшу ми опочинути от трудов на одрѣ моем и сведохся абие в сон мал. И вижу в кѣлейцѣ моей сердечныма очима моима гробъ, а во гробе лежитъ // ста- л. 10 рецъ Ефросинъ, другъ мой любимой и сердечной, мертвъ. Аз же зрю во гробъ на Ефросина и дивлюся, помышляю в себѣ: «Како обрѣтес(я) в кѣлии моей друг мой и гроб? А погребен онъ во

ж Буква О вписана охрой. 3 Буква Н вписана охрой.

Андомской пустынь, а нынѣ обрѣтесе в Виданьской пустынь у мене и в кѣлии моей — что хошет быти се?» И зрю на него прилѣжно. И нача преподобный Ефросинъ помалу-малу оживати, и оживе, и воста от гроба. Аз же, грѣшный, с великою радостію объем его рукама моима и начах лобызати, и целовати его с

л. 10 об. // вию Христовою, и глаголати: «О, свѣт мой и другъ мой любимой Ефросинушко! Вѣдаю аз, что ты давно умерь, преставился на онъ свѣт, а нынѣ вижу тя, паки ожил ты. Скажи мнѣ, свѣт мой, Бога ради, как там царство небесное, гдѣ святыя, и праведныя, и преподобныя, и вси святіи водворяются, и царствуют, и живутъ, как на ономъ свѣте тамо? Да и грѣшникам како уготована мука та, горкая и лютая: огонь, и червь, и смола, и всякая горестъ и бѣда? Скажи мнѣ, Христа ради, Ефросинушко, по ряду

л. 11 // вся. Боюся я грѣ // шной муки вѣчныя и бѣды тамошныя». Преподобный же Ефросинъ свѣтлым лицеем и веселымъ зрѣніем възрѣ на мя и рече ми тихим, и любовным, и смиреннымъ гласом сице: «Брате мой и друже мой любимой Епифаний! Молися ты прилѣжно пречистой Богородице, то всѣхъ бѣдъ избудеши и получиши радость». И не вѣмъ, как святой из рукъ моихъ изыде и невидим бысть. Аз же, грѣшный, убудихся, яко от сна, а сердце мое наполнено великия радости, яко Богъ показа ми друга^к моего

л. 11 об. // любимаго, и брата, и отца // преподобнаго старца Ефросина и учения святаго от устъ его слышати сподобилъ мя, еже повелѣ ми молитися прилѣжно пречистой Богородице. О всѣхъ сихъ слава Христу, Богу-свѣту, и Богородице, матери его истинной, и святому аггелу-хранителю моему, и преподобному Ефросину, и всѣмъ святымъ во вѣки! Аминь.

Чудо^л пречистыя Богородицы.

Тамо^м же, в Виданьской пустынь, по выше реченному по обычаю моему, после правила моего возлежъ на одрѣ мой опочинути. И скоро прискочиша бѣси т^н кѣлии моей, и зашумѣли

л. 12 // громко зѣло, и отвориша // сѣнныя двери, да и кѣлейныя пылко зѣло отвориша. И вѣскочилъ ко мнѣ в кѣлию бѣсъ, яко злой и лютой разбойник, и ухватилъ мене за горло и нача давить. Аз же, грѣшный, завопѣлъ къ Богородице сице: «Богородица, Богородица, помози ми!» Он же и исчезъ и не вѣмъ, камо дѣлся. Аз же о семъ прославих Христа и Богородицу, яко отгнаша от мене разбойника, злодѣя-дьявола.

А^о иное чудо дивное и преславное пречистыя Богородицы сказа мнѣ, грѣшному, преподобный старецъ мой кѣлейной, священноинокъ Мартирий, укрѣ // пляя мене, дабы держалъся аз

л. 12 об.

^л Испр., в ркп. Ефросим. ^к Испр., в ркп. друго. ^н Буква Ч вписана охрой. ^м Буква Т вписана охрой. ^п Так в ркп. ^о Буква А вписана киноварью.

крѣпко каноннаго святаго правила и кондаки, и икосы говорилъ бы на всякъ день пречистой Богородице неизмѣнно. Рече бо ми сице: «Чадо! Есть писано во Отечникѣ. Бѣ¹¹ во странѣ нѣкоей монастырь нѣкий, а в нем мниси живяху зѣло христоробивы и Богородицу крѣпко и прилѣжно почитаху, и моляшеса ей всегда вѣрно и прилѣжно. И бѣ у нихъ в том монастырьѣ устав таков, еже на за // утрени в церкви пречистой Богородице кондаки и икосы по вся дни говорят, а концы воспѣвают вси, стоящии во церкви, еже есть сице: « Аллилуйя!», — и паки, — «Радуйся, невѣсто неневѣстная!»

И нѣкогда бо тоя обители игумен посла брата на службу монастырьскую. Старец же взем благословение от отца и идяше на службу, благодаря Бога, и труждаяся тамо день до вечера. И прииде к монастырю уже поздно, и врата монастырьские заперты. И рече в себѣ старецъ: // «Что сотворю? Аще начну во врата ударяти и стукати, то тѣмъ стуканиемъ моимъ всю братию соблажню и смущу, и вратарей, и стражей тѣм оскорблю, и опечалую, и раздражу, и труд мой тѣм погублю, еже днесъ приобрѣтох, и мзды лишуся от Христа-Бога и Богородицы. Лучше ми братиею не смутити и стражей не возбудити, но самому нужица, Бога ради, пряти». И помоляся старецъ Христу и Богородице, и прижався ко оградѣ монастырьской, // возлегши, благодаря Бога.

Тако и уснулъ. И егда нача в монастырьѣ къ заутрени благовѣстити, старецъ же скоро воста и прижався^р ко оградѣ монастырьской, моляшеса с вѣрою сердечною, теплою прилѣжно. Бѣ бо церковь близ ограды, и все ему слышат<и>, что поют въ церкви: и егда начали говорити кондаки и икосы и концы воспѣвати: «Аллилуйя!» и «Радуйся, невѣсто неневѣстная!» А старецъ, внѣ монастыря, стоя за стеною, такоже концы возгла // шаеть: «Аллилуйя! Радуйся, невѣсто неневѣстная!» И егда послѣдний конецъ икоса возгласиша во церкви «Радуйся, невѣсто неневѣстная!», и старецъ, за стеною стоя, тож рече: «Радуйся, невѣсто неневѣстная!» И ста пред нимъ пречистая Богородица и рече ему: «Радуйся и ты, старче! Вото тебѣ златица!» Старецъ же приемъ златицу от руки пресвятыя Богородицы и поклонися ей. Она же и невидима бысть. Он же воззрѣ на златицу, // лежащую на руцѣ его, и возрадовася зѣло, и удивися дивом великим, бѣ бо златица красна зѣло и, яко от огня, от нея свѣтяшеса.

И скоро-скоро старецъ потече ко вратом монастырским и возопи гласом великим: «Вратницы, вратницы! Отверзите ми врата скоро! Богородица ми златицу даде чюдную!» Они же отвориша

¹¹ Буква Б вписана киноварью. ^р Возможно, предполагалось написание при-прижався, но первое при было Епифанием зачеркнуто.

ему врата. Старец же бѣжа во церковь ко игумену и ко братии всей и ста посреди церкви, и рече велиим гласом: «Отцы святии и л. 15
об. братия! Зрите на благословение чудное пречи // стья Богородицы!» И скоро вси отцы стекошася ко старцу, и узрѣша ту чудную и красную златицу, и дивяся много красотѣ ея и прославиша вси Христа и Богородицу. Старецъ же повѣда им вся, выше речѣнная. Отцы же паки прославиша Бога и Богородицу и разсуждение старцево и терпѣние его зѣло похвалиша. И повелѣ игумен звонити во вся, и пѣвше молебная Христу-Богу и Богородице много. И ту красную златицу прицепиша ко образу мѣстному пресвятыя Бого- л. 16
родицы на славу Христу Спасу, и на похвалу // Богородице, и на воспоминание дивнаго и преславнаго чудеси ея во вѣки. Аминь.

И҃с паки рече ми преподобный старецъ священноинокъ Мартирий: «Ну, чадо! Вото тебѣ сказано преславное чудо пречистыя Богородицы! И ты внимай себѣ умом и канонов говорити не ленися! Исусов канонъ говори на всякъ день, а акафисто канон Богородице пременяя, по дню смотря. А кондаки и икосы на всякъ день, да „Воду прошед“, да аггелу-хранителю канон, да и иныя, елико можеша вмѣстити, вмѣсти, чадо! И Псалтырь такоже на л. 16
об. всякъ день пой! Трудися, // чадо, здѣ крѣпко, и вѣрно, и твердо, да во ономъ вѣце добро будетъ во вѣки. А говори, чадо, каноны, и кондаки, и икосы, и псалмы, и всякое правило неспѣшно, чтобы глаголемое тобою и умъ твой разумѣль и славиль бы Бога о сих. И сицевое правило и Богу приятно и любезно и душам нашим спасительно.

А҃т еже, чадо, у нас, в Соловецкомъ монастырѣ, по всѣмъ кѣлиямъ предано всѣмъ братиямъ, умѣющимъ грамотѣ, каноны, и кондаки, и икосы пречистой Богородице говорити еще от святаго отца нашего ... //

... паки отведоша нас в старыя темницы, кождо во свою. Ох-ох, горе-горе дней тѣх! Аз же, грѣшный, внидох во свою темницу, и возгорѣся сердце мое и вся внутренняя моя огнем великим. Аз же падох на землю и бысть весь в поту, и нача умирати. И три накона умиралъ, да не умеръ, душа моя не вышла ис тела моего. Такъ (о) аз сталъ тужить, глаголя: «Что будетъ? Смерти нѣту, а лутче сего времени ко исходу души на што? Бог сподобилъ причаститися тѣла и крови Христовы, и кровь мою помощию Христовою пролилъ за вѣру его святую, и за люди его, и за л. 18
об. церкви святаго его. Благо // дарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси пострадати за вся сия и кровь мою изляти. Возми же, свѣтъ^ф мой истинной Христос, скоро душу мою от тѣла моего! Не могу

с В ркп. И десятиричное вписано охрой. т Буква А вписана охрой. у Далее следует вклеенный лист поздней бумаги без текста. ф Испр., в ркп. свѣтъ

терпѣти болѣзней лютых!» И вижу, что нѣту ми смерти. И азъ воставъ со земли и на лавку легъ ницъ, а руку мою сѣченую повѣсилъ на землю, помышляя в себѣ сице: «Пускай кров(ь) та выдетъ из мене вся, так я и умру». И много крови вышло, и в темнице стало мокро, и стражи сѣна на кровь наслали. И пять дней точиль кровь, // ис тѣла моего, дабы ми от того смерть пришла. л. 19
А точа кровь, вопѣль много ко Господу на высоту небесную, глаголя: «Господи, Господи! Возми душу мою от мене! Не могу терпѣти болѣзней горких! Помилуй мене, бѣднаго и грѣшнаго раба твоего, возми душу мою от тѣла моего!» И вижу, что не дастъ ми Богъ смерти. И аз, грѣшной, биль челом Симеону-десятнику, да отмоет ми от руки засушины кровавья. Он же отмыль от руки моя запекшуюся кровь и, во имя Христово моляся Богу, помаза ми раны тѣ сѣрою елевою, нутренею, и обяза ми болную мою руку // платом со слезами, и изыде ис темницы, плача, видя л. 19
мя тоскующа горко. об.

Ох, ох! Горе, горе дней тѣх! Аз же, грѣшный, в темнице единъ валяся по земли на брюхѣ, и на спинѣ, и на боках, и всяко превращаяся от великия болѣзни. И от горкия тоски всяко вопѣль ко Господу, да возмет душу мою. Тако ж(е) и Богородице, и всѣм святым моляхся, да помолятся о мнѣ ко Господу, дабы взялъ душу мою от мене Господь. И много^х сего было моления и вопля. Простите мя, грѣшнаго, отцы святии и братия! Согрѣшилъ // аз, окаянный, от болѣзни великия и от тоски горкия, л. 20
начах глаголати сице: «О горе тебѣ, окаяннѣ Елифанѣ! Христос, сынъ Божий, тебя, вопиюща и молящася, не слушаетъ, ни Богородица, ни святии его вси. А ты, святой отецъ нашъ Илья, архимарит соловецкой, былъ ты у меня, в пустынѣ Виданской явился мнѣ и велѣль книги мнѣ писат(ь) на обличение царю и на обращение его ко истиннѣй святѣй вѣрѣ Христовѣ старой. И аз книги писалъ ко спасению цареву // и всего мира и снесъ их ко царю. л. 20
А нынѣ мя царь утомилъ и умучилъ зѣло, и язвы наложилъ горкия, и кровию мя обагрить, и в темницу повелѣ^ч мя ринуту немилостиво. А ты мнѣ нынѣ в сицевой бѣдѣ, и в скорби, и в болѣзни лютой нимало не поможеша! Ох, ох, горе мнѣ, бѣдному! Одинъ погибаю, не помогает ми никто нынѣ: ни Христос, ни Богородица, ни святии его вси!» об.

И много тосковалъ, валяся по земли. И всполось на лавку, и легъ на спинѣ, а руку сѣченую положилъ на сердце мое. И наиде на мя, яко сонъ, // и слышу — Богородица руками своими болную мою руку осязаетъ. И преста рука моя болѣти, и от сердца моего отиде тоска, и радость на мя наиде. А Пречистая руками л. 21

^х Испр., в ркп. мно ^ч Испр., в ркп. певелѣ

своими над моею рукою яко играетъ, и, мнит ми ся, кабы Богородица к рукѣ моей и персты приложила. И велика радос〈ть〉 наиде на мя тогда. Аз же хотѣх рукою моею удержати руку Богородичну — и не могъ удержати, уиде. Аз же, грѣшный, яко от сна убу-
л. 21 об. дихся, лежу по-старому на спине, // а рука моя на сердцы моем лежит, платом обязана по-старому. Аз же, лежа, помышляю: «Что се бысть надо мною?» И начах осязати лѣвою моею рукою правую мою руку, сѣченую, ища у ней перстов. Ано, перстовъ нѣту, а рука не болитъ, а сердце радуется. Аз же, грѣшный, прославих о сем Христа-Бога, Свѣта нашего, и Богородицу, матеръ его истинную. Сие чюдо было в седмый день после мучения. И помалу-малу рука моя исцелѣ от ранъ, и дѣлаю нынѣ всякое
л. 22 рукодѣлие по-прежнему, помощию // Христовою и пречистыя Богородицы в славу Христу-Богу. Аминь.

Да^ч еще вам, чада моя и братия моя любимая, за любовь Христову побесѣдную о языках моихъ.

Егда^ш мы были на Москвѣ, Кремль-городѣ, на Угрѣшском подворье Никольском, тогда много к нам приходило людей от царя и от сонмища никониянскаго, звали и нудили много всяко нас в вѣру никониянскую. И мы их не послушали. И тогда Аввакума-протопопа, и Никифора-протопопа ухватиша скоро и со-мчали с Москвы въ Братошино, 30 версть от Москвы. И последи
л. 22 об. их скоро прискочилъ // к нам голова стрелецкой со стрелцами Василей Бухвостов, яко злой и лютой разбойникъ, — да воздасть ему Господь по дѣломъ его! И ухватили нас, священника Лазаря и меня, под руки и помчали скоро-скоро и зѣло немилостиво и безбожно. И примчали на Болото. И посадя насъ на плаху, и отрѣзаша нам языки. И паки ухватиша насъ, яко звѣрие лютии, су-
л. 23 ровии, и помчаша тако же скоро-скоро. // Мы же от болѣзней и от ранъ горких изнемогахом, не можем бѣжати с ними. И они ухватили извощика, и посадили нас на телѣгу, и паки помчаша насъ скоро. И потом на ямския телѣги посадиша насъ, и свезоша насъ в Братошино. Тогда на пути из мене, грѣшнаго, вмалѣ души не вытрясли на телѣгах, бѣ бо тогда болѣзнь зѣло тяжка и люта была. Ох, ох! Горе, горе дней тѣхъ! И поставили нас в Брато-
л. 23 об. шинѣ на дворы. Тогда аз, грѣшный, внидох на печь от болѣзни // и от тоски горкия и печали великия, возлегъ на печи и начах помышляти в себѣ сице: «Горе мнѣ, бѣдному, какъ жить? Говоритъ〈ь〉 стало нѣчем, языка нѣту! Кабы я жилъ в монастырѣ или в пустынѣ, так бы у мене языкъ былъ. Прости мя, господи Иисусе Христе, сыне Божий! Согрѣшилъ пред тобою, свѣтом, и пред Богородицею, и пред всѣми святыми: пошелъ къ Москвѣ ис пусты-

^ч Буква Д вписана охрой. ^ш Буква Е вписана охрой.

ни, хотѣль царя спасти. И царя не спас, а себя вредиль. И языка не стало, и нужнаго молвить нѣчемъ. Горе! Как до конца доживать?» И воздохнулъ // ко Господу из глубины сердца моего, и, л. 24
воставъ, сошель с печи, и сѣль на лавкѣ, и печалуюся о языкѣ моемъ. О, скорого услышания свѣта нашего, Христа-Бога! Поползе бо ми тогда язык ис коренія и доиде до зубовъ моих. Аз же возрадовах о сем зѣло и начах глаголати языком моим ясно, слава Бога. Тогда Аввакум-протопоп, то чюдо услышав, скоро ко мнѣ прибѣжа, плача и радуясь. И воспѣли мы с нимъ вкупѣ «Достойно есть», и «Слава», и «Нынѣ»; и все по ряду до конца, по обычаю.

И^ш по трех днех повезоша нас в заточение, в Пустоозерье, всѣх четверых вкупѣ. И в Пустоозерье посадиша насъ // в темни- л. 24
цах. И по двух годѣх приехал к нам от никониян полуголова об.
Иван Ялагинъ со стрелцами, и по три дни нудиль нас всяко отврещися святыя вѣры Христовы, старой, и приступити к новой вѣрѣ, никониянской. И мы его не послушали. И он велѣль нам, по наказу, языки рѣзати паки и руки сѣчь. И посреди всего народа пустоозерскаго поставиша нас. И Лазарю-священнику ис коренія языкъ отрѣзаша и руку по запястие отсѣкоша. Потом приступиша ко мнѣ, грѣшному, палач с ножемъ и клещами, и хоцет гортань мою отворяти, и языкъ мой рѣзати. Аз же, грѣшный, тогда воздохнулъ из глубины сердца моего уми // ленно, зря на небо, л. 25
рекох сице: « Господи, помози ми!»

О, дивнаго и скорого услышания свѣта нашего Христа-Бога! Наиде бо на мя тогда, яко сонъ, и не слышал, какъ палачъ языкъ мой вырѣзал, толко в малѣ-в малѣ ощутивъ, яко во снѣ, что палачъ языкъ мой отрѣзал. (А на Москвѣ, какъ первой языкъ палачъ ми отрѣзал, тогда, яко лютая змия укусила, и всю утробу мою защемило, и до Вологды тогда у мене от тоя болѣзни кров(ь) шла задним проходомъ).^ъ И потом положиша руку мою правую на плаху и отсѣкоша четыре перста. Аз же взем персты мои и положилъ в зѣпъ. И отведоша насъ по темницамъ. Аз же, // грѣшный, л. 25
внидох тогда во свою темницу и трою умирал, и пять дней об.
кров(ь) из руки моя точил, смерти просилъ у Христа-Бога. И не даде ми ся смерть, но пришед ко мнѣ в темницу свѣтъ-Богородица и от(ь)яша болѣзнь от руки моя. О сем писано пространно наперед.

И по от(ь)ятии болѣзни от руки моя почал аз правило мое говорити: псалмы и молитвы умою. А гдѣ язык был во ртѣ, туто стало быти слинь много. Егда спать лягу, и что под головою

^ш Десятеричное И вписано охрой. ^ъ Скобки в тексте поставлены Епифанием.

лежит, то все умочит слинами, текущими из гортани. И ясти нужно было тогда, понеже яди во ртѣ нѣчем превращати. И егда принесутъ мнѣ шей, и рыбы, и хлѣба — и я в одно мѣсто со-

л. 27 мну...^ѣ //

... старца твоя и рекут ти». Господи, чем мнѣ, бѣдному, воспросити? А у мене и языка нѣту, и иная, подобная сему, обрѣтающе во Псалтырѣ. И аз умиленно погляжу на образ Христовъ, и воздохну, и реку: «Господи! Дай ми язык, бѣдному, на славу Тебѣ-свѣту, а мнѣ, грѣшному, на спасение!» И сего у мене было дѣла болше дву недель. Всяко моляхся Христу-Богу, и Богородицѣ, и всѣм святым, да дасть ми Господь языкъ.

И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моемъ опочинути, и вижу себя на нѣкоем полѣ велике и свѣтлѣ зѣло. И дивлюся красотѣ поля того и вижу: о лѣвую страну мене на воздухе лежат два мои языка, московской и пустоозерской, // мало повыше мене. Московской — не само красенъ, но блѣдновать, а пустоозерской зѣло краснешенек. Аз же, грѣшный, простеръ руку мою лѣвую, и взял рукою моею со воздуха пустоозерской мой красной язык, и положил его на правую мою руку, и зрю на него прилѣжно. Он же на рукѣ моей ворошится живешенекъ. Аз же дивяся много красотѣ его и живости его и начах его обѣми руками моими превращати, чюдяся ему. И испра(вя)^ѣ его в руках моих рѣзанным мѣстом к рѣзаному ж(е) мѣсту, т корѣнию язычному, идѣже преж(е) бѣ,

л. 28 и положилъ его руками моими во уста мои. Он же и прильнулъ // къ корению, идѣже преже былъ от рожения матерня. Аз же возрадовахся и возбнух, яко от сна, и дивлюся сему видѣнию, глаголя в себѣ: «Господи, что се хочет быти?» И от того времени скоро помалу-малу доиде языкъ мой до зубов моих и бысть полонъ и великъ, яко ж(е) от рожения матере моя, и в монастырѣ, и в пустынѣ бѣ. И слинъ нелѣпых и непотребных не стало во устах моих. И потребен ми бѣ сталъ язык на всякую службу: къ ядению, и к молитвѣ, и ко псалмом, и ко всякому чтению святых книгъ. Есть языкъ мой, Богом данный ми новой, короче старово,

л. 28 ино тольще старово и ширѣ во всѣ // страны, и по смѣтѣ есть со старой. И о сем нынѣ веселюся о Господѣ сердцемъ моим и душою моею. И языком новым моим радуюся со Давидом-пророком, и молюся, и славлю, и величаю, и пою, и хвалу воздаю Христу Иусу, спасителю моему-свѣту, давшему ми новой языкъ, елико онъ ми свѣт-Богъ, спаситель мой, помощи ми подавает и научает мя на славу и хвалу ему, Господу-Богу нашему, а мнѣ, бѣдному и грѣшному, на спасение. И паки со Давидом святым

^ѣ Далее следует лист поздней бумаги без текста. ^ѣ Конец слова скрыт подклейкой к корешку рукописи. ^ѣ Далее затертая буква, возможно М.

вкупѣ реку: «Благословенъ Господь, Богъ Израилевъ, творяй чюдеса единь!» Тому слава во вѣки. Аминь. //

л. 29

Воистинну^ю, чада моя и братия моя любимая Михаиле, Иеремие, утѣшаетъ нас, бѣдных и гонимых рабов своих в нуждах, и в напастех, и в бедах, и в печалех, и в болѣзнях наших всяких Христос, сын Божий, яко отецъ чадолюбивой чад своих, тако и Богъ утѣшаетъ молящихся Ему-свѣту с вѣрою теплою, не оставляетъ их во всяком горе, утѣшаетъ всяко.

Нѣкогда^а бо мнѣ, грѣшному, въ темнице сей, яко во гробе, сѣдящу, прииде на мя печаль велика и возмутиша всю внутреннюю мою. И начах глаголати в себѣ сице: «Что се творится надо мною, бѣдным? Монастырь оставилъ, в пустынь не жилъ... А колико ми // в пустынь Христос и Богородица показа чюдных богознаменій! И то мя не удержалъ тамо, пошел к Москве, хотѣлъ царя отвратити от погибели его, злыя ереси никонянския хотѣлъ от него отлучити и спасти его. А нынѣ царь пуще старово погибает, християнъ злѣ всяко мучит за истинную старую святую вѣру Христову. А я нынѣ в темнице, яко во гробе сижу, жив землею погребен. Всякую нужу терплю темничную, дым горкой глотаю, глаза дымомъ, и копотию, и всякую грязю выело. Одна темница — то и церковь, то и трапеза, то и заходь. А клопы жива хотять съестъ // и червям не хотят оставить. А не вѣдаю, ест(ь) ли то на ползу и спасение бѣдной и грѣшной души моей и приятно ли то и угодно ли то Богу, свѣту нашему, сия вся моя страдания. Аще бы вѣдал, что есть на ползу и на спасение бѣдной и грѣшной души моей и Христу-Богу приятна моя бѣдная страдания, то бы с радостию терпѣлъ вся сия о Христѣ Исусѣ».

л. 29
об.

л. 30

И возгорѣся сердце мое и вся внутренняя моя. Аз же, грѣшный, воздѣх руцѣ мои на высоту небесную и завопѣлъ ко Господу Богу: «О Господи Исусе Христе, сыне Божий, сотвори-вый небо и землю, солнце и месяцъ, и звѣзды, и всю тварь видимую и невидимую! Услы // ши мя, грѣшнаго раба твоего, вопиющаго ти! Яви ми, ими же вѣси судьбами, годно ли Тебѣ-свѣту течение мое сие и потребен ли Ти сей путь мой, и есть ли на спасение ми, бѣдному и грѣшному рабу твоему, вся сия страдания моя бѣдная?» И иная, подобная сим. И ударихся три накона о землю. И много после сего поклонов было: и со слезами, и Богородице, и всем святым моляхся, да явит ми Господь, годно ли Ему-свѣту страдание мое бѣдное сие и ест(ь) ли на спасение души моей грѣшной. [Сие было 179^{л. а} году, в великий пост, тогда

л. 30
об.

^ю Буква В вписана охрой. ^я Буква Н вписана охрой. ^{л. а} Буквенная цифрь, подразумевается год 7179 от С. М., т. е. 1671 от Р. Х.

л. 31 хлѣба не ель двѣ недели, три дни]. И уже изнемогъ от поста // и от труда поклоннаго и молитвеннаго, и возлегъ на земли, на розинѣ, на ней же поклоны творях. И скоро наиде на ма сон мал. И вижу сердечныма очима моима: темничное оконце мое на всѣ страны широко стало, и свѣтъ великъ ко мнѣ в темницу сияет. Аз же зрю прилѣжно на той великий свѣтъ. И нача той свѣтъ огустевати, и сотворися ис того свѣта воздушнаго лице, яко человеческое: очи, и нос, и брада, подобно образу нерукотворенному Спасову. И рече ми той образ сице: «Твой сей путь, не скорби!» И паки той образ разлился в свѣтъ и невидим бысть. Аз же отворилъ очи мои // тѣлесныя и поглядѣлъ на оконце мое темничное.

л. 31 об. А оконце по-старому, яко ж и древле бысть. Аз же рекох: «Слава тебѣ, Господи! По множеству болѣзней моих в сердцы моем утѣшения твоя возвеселиша душу мою». И той образ гласом своим отгналь от мене тму малодушия. От того времени сталь терпѣти с радостию всякую нужу темничную, благодаря Бога, чая и ожидая будущия, грядущия радости, обѣщанныя Богом, терпящим его ради всяку скорбь и болѣзнь в вѣцѣ семь. О всѣхъ сих слава Христу-свѣту, Богу нашему во вѣки. Аминь.

л. 32 Да простите мя, господия моя! // Егда темничное то сидѣние въ нѣчесом оскорбит мя, и досадит, и опечалит горко, и аз, окаянный, не мога тоя скорби терпѣти, стану о монастырѣ и о пустынѣ прилѣжно тужити, а себя укаряти сице: «Ну, окаянной! На обѣщании в Соловецком монастырѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастырѣ не жил, и пустыню оставил! Терпи же нынѣ, окаянной, всякую бѣду, и горесть, и досаду темничную». И иная, подобная сим, изреку, укаряя себя и темничное сидѣние уничижая. И последи сего ми не проходит такъ: попущением Божиим бѣси ми ругаются и досажаютъ тогда. И вы мя, господия //

л. 32 об. и братия моя, во всяком малодушии, в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении простите, и благословите, и молитесь о мнѣ, грѣшнем, ко Христу-Богу и Богородице! Аминь.

Чюдо^б о глазах моих креста ради Христова

Егда^в послали к нам никонияня-мучители с Москвы в Пустозерье полуголову Ивана Ялагина со стрелцами, он же приехав к нам, и взяв нас ис темницъ, и постави нас пред собою, и наказъ сталъ прочитати. Тамо у них писано величество цареву и последи писано у нихъ: «Вѣруете ли вы в символъ вѣры в Духа святого

л. 33 не истиннаго? И тремя перьсты^г креститися хотите // ли по нынѣшнему изволу цареву? Аще примете сии двѣ тайны, и царь вас велми пожалует». И мы отвѣщали ему противу наказу сице: «Мы вѣруем и в Духа святого Господа истиннаго и животворя-

^б Буква Ч вписана охрой. ^в Буква Е вписана охрой. ^г Испр., в ркп. перьты.

щаго, а тремя перъсты креститисъ(я) не хотим: нечестиво то!» И по три дни нудили нас всяко сии двѣ отступныя вещи приняти, и мы их не послушали. И они намъ за то по наказу отрѣзаша языки и руки отсѣкоша: Лазарю священнику — по запястие, Феодору дьякону — поперег долони, мнѣ, бѣдному, — четыре перста [осмь костей]. И по сем // отведоша нас, бѣдных, в старыя темницы. Ох, ох! Увы, увy, дней тѣх! И обрубиша около темницъ нашихъ струбы и осыпаша нас в темницахъ землею. И тако погребоша насъ живыхъ в землю съ горкими и лютыми язвами, и оставиша нам по единому оконцу, куды нужная пища приимати, и паки ветхая тѣм же оконцем изметати, и дровишекъ приняти. И от того времени, господия моя, стало у мене быти в темнице нужно, и чадно, и пылно, и горко от дыма, и многожды умиралъ от дыма.

л. 33
об.

И от всѣхъ сихъ // темничныхъ озлоблениихъ, и от пепелу, и от всякия грязи и нужи темничныя по малу-малу начаша у мене глаза худо глядѣти, и гною стало много во очех моихъ тогда быти. И я гной содиралъ руками моими, и уже зѣло изнемогоша очи мои, и не видѣлъ по книгѣ говорити. И аз, грѣшной, о семъ опечалился зѣло, и унылъ, и тужил не мало время. И нѣкогда бо возлегшу ми на одрѣ моемъ, и рекох себѣ: «Ну, окаяннѣ Епифанѣ! Ель ты много и спалъ ты много, а о правилѣ кѣлейномъ не радѣлъ, ленился и не пла//калъ пред Богом из воли своея. Се нынѣ плачи, и неволею слепоты своея, нынѣ пришло тебѣ время Феофила старца. Он плакалъ тридесятъ лѣтъ над корчагою. [Писано о немъ в Патерикѣ Печерскомѣ]. Но Феофилъ былъ за готовою трапезою в монастырѣ, а тебѣ, окаянному, и дровъ въ печь положить слепому нелзѣ». И инаго, подобно сему, рекох себѣ из глубины сердечныя со слезами. А иное ко Господу рекох: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий! Помилуй мя, грѣшнаго, по благодати спаси мя, а не по долгу, ими же вѣси судьбами. Не имѣю бо пред тобою благосотворенное мною ничто же, но спаси мя ради пречистыя Богородицы, // и святаго аггела, мого хранителя, и всехъ святыхъ твоихъ». И иное кое-што поговорилъ къ Богородице, и ко аггелу, и ко всѣмъ святымъ со воздыханиемъ и со слезами, да помолются о мнѣ, бѣдномъ и грѣшномъ, свѣту нашему Христу Иисусу.

л. 34
об.

л. 35

И тако, лежа, плача, и уснулъ. И скоро вижу сердечныма очима моима, кабы сотникъ к темнице моей пришелъ, к оконцу, и принесъ много крестовъ болшихъ и малыхъ. Отесаны, болшая щепа обита с нихъ, оглавлены, яко быти тутъ крестамъ многимъ. И кладяше ихъ на оконце мое темничное, и рече ми сотникъ сице: «Старче! Здѣлай мнѣ крестовъ Христовыхъ много: надобно мнѣ». И азъ рекохъ ему с печалию: «Уже, // господине, нелзѣ мнѣ нынѣ крестовъ делать: не вижу, а се и рука болна, сѣчена. Отошло нынѣ от мене руководѣлие то». И рече ми сотникъ: «Дѣлай, Бога ради,

л. 35
об.

дѣлай! Христос тебѣ поможетъ!» И невидим бысть. Аз же, грѣшный, убудихся, яко от сна, и рекохъ в себѣ: «Что се будетъ видѣние?» А глаза-таки у мене болятъ по-старому и гноем заплывають, и аз руками гной содираю со очей моихъ с печалию великою, насилу великую гляжу. И по сем, въ третій день, прииде к темнице моей сотникъ той же явѣ въ день и принесе ми...^д

л. 37 ...о мнѣ». Он же рече ми: «Бог да благословитъ тя кресты дѣлать, и помолюся о тебѣ». И иде от темницы моя по обычаю благочинно, с прощениемъ поклоняся.

Аз же, грѣшный, превращая в рукахъ моихъ древе кедровое, и кляпичекъ, и долотечко, глаголя сице: «Господи, Господи Иисусе Христе, истинный Боже нашъ! Что се будетъ? Рука болна, и очи не видятъ, а нудятъ мя и благословляютъ раби твои. Ихъ ради вѣры великия и прочихъ рабовъ твоихъ, желающихъ креста твоего святаго на поклонение себѣ, помози ми, Господи, грѣшному рабу твоему!» И с началомъ помоляся Христу Богу-свѣту, // и Богородице, матери его истинной, и святому аггелу-хранителю моему, и всѣмъ святымъ и началъ дѣлать крестъ.

О чудо великое Христа-Бога, свѣта нашего! О скорого милосердия Спаса нашего Христа! О дивнаго исцѣления очей моихъ бѣдныхъ креста ради Христова! Бысть очи мои в томъ часѣ безболѣзненны и свѣтлы зѣло, а и рука моя стала потребна на службу кресту Христову. Слава Христу-Богу, свѣту нашему, о всѣхъ сихъ во вѣки! Аминь.

Ис гда поможетъ ми Господь крестъ здѣлать малой или большой, поклонной или воротовой, и аз его положу или поставлю на л. 38 обычномъ мѣсте честно, и поклоню//ся ему, и проговорю ему тропарь: «Спаси, Господи, люди своя» и ко(н)д(ак): «Вознесыйся на крестъ». По семъ пѣснь шестую^ж, кресту ирмосъ: «Божественное се и всечестное, совершающе празднество богомудрении Божия Матере. Приидѣте, руками восплещемъ от нея рождагося от нея вѣрою славящее.

Слава^з, Господи, кресту твоему честному!

Крестъ^и — всѣмъ воскресение, крестъ — падшимъ исправление, страстемъ умерщвление и плоти привождение, крестъ — душамъ слава и свѣтъ вѣчный.

Слава^к, Господи, кресту твоему честному!

Крестъ^л — врагомъ губитель, крестъ — злочестивымъ язва и пленение и вѣрнымъ держава, благочестивымъ хранитель и бѣсомъ л. 38 отго // нитель. Слава^м!

об.

^д Далее следует клеенный лист поздней бумаги без текста. ^с Буква И вписана охрой. ^ж Цифра писана буквой S. ^з Буква С вписана охрой. ^и Буква К вписана охрой. ^к Буква С вписана охрой. ^л Буква К вписана охрой. ^м Буква С вписана охрой.

Крестъ^н — страстемъ пагуба, крестъ — помыслом злым отгнание, крестъ — сокрушение языческо-искусително и духовом показася ловительство. И^о нынѣ: Крестъ^н воздвижется, и падають духов воздушных чинове, крестъ снисходит — и нечестивии вси ужасаются, яко мольнию видяще крестную силу.

Молитва^р кресту: «Да^с воскреснет Богъ и разыдутся врази его, и да бѣжат от лица его ненавидящии его. Яко ищезаетъ дымъ, да и ищезнут, яко таетъ воскъ от лица огню, тако да погибнут бѣси от лица любящих Бога и знаменающихся // крестным знамениемъ. л. 39 И да возвеселимся, рекуще: „Радуйся, кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сошедшаго и поправшаго силу дияволю, и давшаго нам крестъ свой^т честный на прогнание всякаго врага и супостата! О пречестный и животворящий^у кресте Господень! Помогай намъ со пресвятою госпожею Богородицею и со всѣми святыми небесными силами въсегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком. Аминь”».

По^ф сем: «Кресту^х твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим!» Трижды^н и поклоны три вели // кия. л. 39 Та^ч ж: «Господи^ш Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас! Спаси, Господи, и помилуй рабъ своих, идѣ же будетъ сей крестъ твой^ш честный, носящих, и держащих, и поклоняющихся ему, молящихся Тебѣ-свѣту, и дом той, и мѣсто то, идѣ же будетъ крестъ Твой святыи сей. Отгони от них всяк дух нечистъ, лукав, сатанин, и всѣх бѣсовъ его, и злых человекъ. И избави их, Господи, ото всякаго расколу церковнаго, и от всякия службы еретическия, и от всякия скорби, // гнѣва, и нужды, и печали, и от всякия л. 40 болѣзни, душевныя и тѣлесныя. И прости им, Господи, всякое согрѣшение, волное и неволное, и спаси их, Свѣтъ нашъ! И молитвами их святыми и мене, грѣшнаго раба твоего, спаси!»

Да и Богородице, и аггелом-хранителемъ, и всѣм святым о том же помолюся. С^ь поклонами. Та^в ж: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас! Со^ь страхом и любовию приступаю ти, Христе!» Пок(лон)^з зем(ный): «Страхом^о — убо грѣха ради, любовию же — спасения ради». Пок(лон)^я зем(ный). И^ш.^а приступя ко кресту со страхомъ Божиимъ, возму его рукою и целую в подножие, глаголя^б сице: «Осѣни^в ми, Господи, // уста и языкъ л. 40 об.

^н Буква К вписана охрой. ^о Буква И вписана охрой. ^ш Буква К вписана охрой. ^р Буква М вписана охрой. ^с Буква Д вписана охрой. ^т Слово вписано над строкой. ^у Испр., в ркп. жотворящий. ^ф Буква П вписана охрой. ^х Буква К вписана охрой. ^ц Буква Т вписана охрой. ^ч Буква Т вписана охрой. ^ш Буква Г вписана охрой. ^ш Слово вписано над строкой. ^ь Буква С вписана охрой. ^в Буква Т вписана охрой. ^ь Буква С вписана охрой. ^з Буква П вписана охрой. ^ю Буква С вписана охрой. ^я Буква П вписана охрой. ^ш.^а Буква И вписана охрой. ^б Буква Г вписана охрой. ^в Буква О вписана охрой.

благодатию духа Твоего святаго, силою креста Твоего святаго, на славу Тебѣ-свѣту и на спасение бѣдной и грѣшной души моей!» Та^г же лице и очи. «Да^а всегда зрю къ Тебѣ-свѣту». Та^е ж — уши: «Да слышу и разумѣю по воли Твоей святѣй». Та^ж ж — главу и умъ: «Да^з всегда угодная Тебѣ-свѣту творят». По^н сем къ сердцу приложу крестъ и реку сице со умилением: «Господи! Благодатию духа Твоего святаго, силою креста Твоего святаго зазги и запали ми сердце любовию Твоею и всю внутреннюю мою,

л. 41 да всегда горить // к Тебѣ-свѣту! И очисти мя, Господи, от всякия скверны плоти и духа и спаси мя!» Та^к ж положу его на тож мѣсто и^н реку: «Вѣрую^м, Господи, яко ты еси Христос, сынъ Божий, распныйся на честнѣмъ крестѣ, и воскресъ! И поклоняюся Тебѣ-свѣту и честному кресту Твоему и воскресению, и пречистой Богородице, и святым аггелом-хранителем нашим, и всѣм святым Твоим». И^н пок(лон) зем(ной) великий или два. По^о сем «Слава». И^р нынѣ: «Господи^с, помилуй! Господи, помилуй! Гос-

л. 41 об. поди, // благослови! Господи^г Иисусе Христе, сыне Божий! Молитв ради пречистыя ти Матере, силою честнаго и животворящаго креста, и святых небесных силъ бесплотных, и святых аггелъ-хранителей наших, и святаго пророка и предотеца крестителя Ивана, и святых славных и всехвалных апостоль, и иже во святых отецъ наших Николы архиепископа, Мир Ликийских чюдо(творца); и Фи(ли)ппа, митрополита московскаго и всеа Русии, чюдо(творца); и преподобных и богоносных отецъ наших Зосимы и Саватия, и Германа, и Иринарха игумена, соловецких чюдо(творцев), и святаго имярек, его же есть день, и

л. 42 всѣх святых твоихъ помилуй и спаси нас, // яко блажь и человеколюбець!» «Господи^у, помилуй!» триж(ды). Сие^ф кресту совершение.

А^х егда, чада моя и братия моя^ч любимая, дѣлаю аз кресты тѣ прилѣжно и утомлюся, дѣлая ихъ довольно, и возлягу опочинуту на одрѣ моем, и усну, и егда первой сонъ отидеть от мене, аз же лежу на одрѣ моем, уже не спя, тогда ми чюдныя гласы бывают, повелевают ми востати и дѣлати кресты сице: от внѣюду къ темничному моему оконцу причина, яко юноша нѣкий доброгласный. Чюдным, и умиленным, и свѣтлымъ гласомъ сотворит ми

л. 42 об. молитву сице: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, // помилуй

^г Буква Т вписана охрой. ^д Буква Д вписана охрой. ^е Буква Т вписана охрой. ^ж Буква Т вписана охрой. ^з Буква Д вписана охрой. ^и Буква П вписана охрой. ^к Буква Т вписана охрой. ^л Буква и вписана охрой. ^м Буква В вписана охрой. ^н Буква И вписана охрой. ^о Буква П вписана охрой. ^п Буква С вписана охрой. ^р Буква И вписана охрой. ^с Буква Г вписана охрой. ^т Буква Г вписана охрой. ^у Буква Г вписана охрой. ^ф Буква С вписана охрой. ^х Буква А вписана охрой. ^ч Слово вписано над строкой.

нас!» Аз же реку «аминь» и востану. И того дни зѣло ми поспѣшно бывает в рукодѣлии крестовѣ. Да и сему аз, чада моя, много дивлюся: дѣлаю аз сего рукодѣлия дватцат(ь) пят(ь) лѣтъ, а никоторою снастию ни руки, ни ноги ни поскѣ, ни порѣзал. Соблюдает мя благодать Духа святаго и до днесѣ. А по смѣтѣ, мнит ми ся, болше пяти сот здѣлано крестов.

А егда дѣлаю ведерка, или ящики, или ино что, тогда много рукъ и ногъ скѣ и рѣзаль и крови тачиваль много. А егда не послушаю гласа того, // будящаго мя, и паки усну, тогда много ми *л. 43* бѣси творять во снѣ пакости, иногда и оскверняют мя, окаяннаго, искушениемъ. Аз же востану тогда с печалию и очищуся ото искушения по преданию старческому. И того дни крестов не дѣлаю, укаряя себя сице: «Не достоинъ ты, окаянной, сего святаго рукодѣлия днесѣ дѣлати крестов».

А от рукодѣлия крестов толко имываль аз денегъ — четыре денги, развѣ хлѣба, и рыбы, и инаго, нужных тѣлесныхъ, а то все отдаваль Христа ради требующим. И аще кто принесет ми за труды от крестовѣ хлѣба или ино что, // ядомое и нужное тѣлу моему, и аз приму у него во имя Христово и положу ту милостыню *л. 43 об.* предо образом Христовым и пречистыя Богородицы; и прошу милости у Христа и Богородицы приносящему рабу Христову, и чадом его, и всему дому его, да умножит ему Христос-Богъ вѣмѣсто сих сторицею и благословит его во вся дни живота его и весь дом его, и да сподобит их Господь и в будущем вѣцѣ благословения во вѣки, аминь.

Ну^ч, чада моя и братия моя любимая Михаиле, Иеремие, за любовь Христову сказано вам житие мое бѣдное и грѣшное, // да сказана вам и тайна моя о рукодѣлии крестовом. И аще *л. 44* хотите, и вы творите тако ж(е). Да и всѣм тож говорю, рабом Господним, любящим Христа Исуса. Тому слава во вѣки вѣком, аминь.

Да^ш не позазрите простотѣ моей, чада моя, и братия моя, и отцы, и вси раби Христовы, чтущии и слышашии сия вся, но простите мя, грѣшнаго в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, и благословите и молитѣ за мя, а вас Бог да простит в сем вѣцѣ и в будущем. Аминь. // *л. 44 об.*

От^ш Старчества о келейном правилѣ, и о молитвѣ, юже предаде аггель Господень великому Пахомию. Братъ^в вопроси старца, глаголя: «Молюся тебѣ, отче, рцы ми, како должен есмь бытии в кѣлии?» Отвѣща старецъ: «Азь убо держу правило свое: 4 часы спя от нощи, и четыре часы стою на пѣнии, и дѣла четы-

^ч Буква Н вписана охрой. ^ш Буква Д вписана охрой. ^ш Буква О вписана охрой. ^в Буква Б вписана охрой.

ри часы. И во дни паки дѣлаю до шестаго часа, и от шестаго прочитаю даже до девятаго. И от девятаго же пекуся о пици и еже
 л. 45 имат кѣлія подѣлія». И паки брат: «Милостивы отче, колико //
 долженъ есть^и творити?» И старецъ, отвѣщав, рече: «Аз по завѣ-
 щанию аггелову держу, еже завѣща святому Пахомию списа-
 нием. Ты же, яко можеши». И брату рекшу: «Како есть завѣ-
 щание аггелово, отче?» И рече старецъ: «Писано есть во аггело-
 вомъ написанном завѣщании, яко да творять, иже под властію
 святаго Пахомия иноцы: во дни молитв — 12, и в нощи — 12, и
 в девятый час — три молитвы. И коеяждо молитвы преж пѣти
 псаломъ». И сия убо, рече сице: «Вообразих мало, яко да и малии
 л. 45 об. доспѣвають въ правило и не скорбятъ, // совершении же законо-
 положения не требуют, слышаще глаголющаго: непрестанно мо-
 литесь!»

Правило^б, еже даде аггелъ Господень великому Пахомию. На-
 чало^в сице: Трисвятое^ю. И^я по «Отче наш»: «Господи, поми-
 луй!» — 12. «Слава»^{III, а}. И^б нынѣ: «Приидѣте^в, поклонимъ(ся)»
 трижды. Псалом^г 50-й: «Помилуй^и мя, Боже». «Вѣрую^с во одина-
 го Бога». Да^ж сто молитв: «Господи^з Исусе Христе, сыне Божий,
 помилуй мя, грѣшнаго!». По^и сем: «Достойно^к есть». И^и се одина
 л. 46 об. молитва. Сих^м совершати повеле 12 в день и в ношь 12. //

От^н книги «Зерцала околзрителнаго» о дѣланиихъ: «Пять^о
 дѣланий, яже угодна суть Богу: Первое^п — чистая молитва; Вто-
 рое^р — псалмопѣние или со мноземи, или наединѣ; Третье^с —
 чтение божественныхъ словесъ духовныхъ; Четвертое^т — яже з
 болѣзнию память о согрѣшениихъ, и о смерти, и о мукахъ; Пя-
 тое^у — рукодѣліе^ф». От «Пчелы»-книги о терпѣнии: «Блажен че-
 ловекъ, иже терпитъ досаждение и таитъ прекословіе — многи
 грѣхи разсыпаетъ. Книголюбець мало пици приемлетъ, понеже
 л. 46 об. стоить межѣ смерти и безсмертія». // От книги «Маргарита» свя-
 таго Ивана Златоустаго от Слова, иже о вочеловечении Хрис-
 товѣ: «В начале, рече Богъ, сотворимъ человека по образу наше-
 му и по подобію. Не по тѣлесному начертанию, но властный
 санъ, а по подобію, еже добродѣтелями уподоблятися Богу, со-
 творшему человека».

^и Над буквой Т вписана буква М. ^в Буква П вписана охрой. ^с Буква Н впи-
 сана охрой. ^ю Буква Т вписана охрой. ^я Буква И вписана охрой. ^{III, а} Буква С
 вписана охрой. ^б Буква И вписана охрой. ^в Буква П вписана охрой. ^г Буква
 «пси» вписана охрой. ^д Буква П вписана охрой. ^с Буква В вписана ох-
 рой. ^ж Буква Д вписана охрой. ^з Буква Г вписана охрой. ^и Буква П вписана
 охрой. ^к Буква Д вписана охрой. ^л Буква И вписана охрой. ^м Буква С вписа-
 на охрой. ^н Буква почти не видна, была вписана охрой. ^о Буква П вписана ох-
 рой. ^п Буква П вписана охрой. ^р Буква В вписана охрой. ^с Буква Т вписана
 охрой. ^т Буква Ч вписана охрой. ^у Буква П вписана охрой. ^ф После этого
 слова концовка в виде четырех запятых охрой с черной точкой в центре.